

УДК 911.3:614.2

Влияние межкультурного взаимодействия на примере изменения жилища и приусадебного хозяйства у коренных малочисленных народов Восточной Сибири во второй половине XX в.

В. А. Кудашкин

Братский государственный университет, г. Братск

В данной статье приведен пример поглощения «советской» цивилизацией культуры коренных малочисленных народов Красноярского края и Иркутской области во второй половине XX в. Приводятся примеры роста уровня материального благосостояния. В условиях межкультурного взаимодействия растет культурный уровень всего коренного населения, но забываются многие способы ведения домашнего хозяйства.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, малочисленные народы Восточной Сибири.

Российская Федерация – многонациональное государство, на территории которого обособленно проживают коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. История взаимоотношений коренного и нового – советского населения Сибири в XX в. насыщена драматическими эпизодами, особенно галопирующей советизацией в 1930-е гг. и промышленным освоением 1950–1980-х гг. Высокоадаптированные по своей природе северные культуры сумели вжиться в жесткую социальную среду, при этом некоторые преуспели в сохранении своих традиций, несмотря на многочисленные попытки властей растворить их в «в советском народе».

В советский период истории среди руководства бытовало мнение о необходимости строительства на культбазах больших домов барачного типа на несколько семей в целях создания коллективного домашнего хозяйства.

Жилище является одним из ярких примеров изменения материальной культуры. Деревянные стационарные дома, усадьбы возле них, а также внутренний интерьер этих жилищ довольно быстро приобрели облик обычных деревенских домов в русских поселках. О том, что это все-таки поселки охотников, напоминали лишь стаи охотничьих лаек возле домов, и изредка привязанные к ограде усадеб олени пастухов, приехавших из оленьего стада за припасами, или каюров, отправлявшихся с очередной экспедицией. Это летом. Осенью и зимой в поселках было тихо, так как почти все собаки были в тайге на промысле.

Период освоения новых территорий в СССР совпадает с образованием территориально-промышленных комплексов. В 60–70-е гг. XX в. власти не

предоставляли услуг по строительству [1]. На фоне строящихся в непосредственной близости от сел станционных поселков городского типа с полным набором благоустройства, жилищно-коммунальное обслуживание населения выглядело крайним анахронизмом.

Так, например, у кетов, в исследуемый период на территории Эвенкии было обнаружено всего два чума, в которых жили престарелые супружеские пары (один – в районе Верхнеимбатска, второй – на реке Курейке) [2]. Все остальное кетское население, начиная с 1970-х гг., проживало в деревянных домах, построенных по типовым проектам и не имеющих каких-либо национальных особенностей. В архивных материалах нам встретилась статистика: 13,6 % семей имели квартиры в своей собственности, 65,6 % жили в квартирах, принадлежащих совхозам и другим учреждениям, 17,5 % семей ютились в так называемом «списанном» жилье – бараках и ветхих домах, списанных с баланса предприятий – «ничейных», 3,3 % семей вообще не имели жилья, снимали угол или комнату, чаще всего у родственников [3].

Главная же особенность усадеб у эвенков Иркутской области (поселки Накано, Ерема, Ербогачен, Ика) и эвенков, проживавших на востоке Красноярского края в поселках Чемдальск, Ванавара, Стрелка-Чуня, была в том, что они возле своих бревенчатых домов устраивали привычные чумы, использовавшиеся в качестве летних жилищ. В домах жили зимой, а в чумах в теплое время. Отличием этих чумов от кочевых было то, что они делались как стационарные, из более толстых жердей, и покрывались пластами лиственничной коры. Чум снаружи обкладывался толстыми жердями и обвязывался веревками, чтобы плотнее прижать кору к жердям чума. Вверху чум имел обычное отверстие для выхода дыма.

У тофов в 1975 г., во время празднования 50-летия установления советской власти в Тофаларии, все чумы из тофаларских усадеб убрали [4]. После этого поселки утратили национальный колорит, а старикам летом негде стало жить: они лишились привычных для них жилищ. Внутри устройство чума оставалось традиционным [5].

Таким образом, к концу 70-х гг. XX в. внутреннее убранство домов, в которых жили представители малочисленных народов, мало чем отличалось от тех, где жили русские. Из-за большого дефицита кирпича в Нижнеудинском и Катангском районах Иркутской области, который трудно было доставлять, в домах поселков не было русских крестьянских печей, а были поставлены обычные плиты с обогревательным щитом. Кое-где не было и их, а стояли железные печки-буржуйки, правда, с жестяной трубой, выходящей наружу через потолок и крышу. Местами такие печи простояли вплоть до 80–90-х гг. XX в. [8] Из мебели в доме были деревянные столы, табуретки, железные кровати. Коренные этносы предпочитали использовать вместо постельного белья шкуры медведей, кабанов, меховые одеяла, подушки, набитые шерстью кабарги. В домах появилась самодельная мебель в виде платяных и кухонных шкафов, различные сундуки, используемые для хранения праздничной одежды, пушнины, боеприпасов и других ценных для охотников вещей. В домах

был минимум перегородок, так как тофы и эвенки предпочитали однокамерное жилище. Видимо, сказывалась привычка к чуму.

По мере роста благосостояния семей в домах появлялась городская покупная мебель в виде различных комодов, шифоньеров, столов и стульев, кресел, трюмо, на окнах – занавески, тюль. В домах сразу же стали пользоваться так называемой городской посудой, состоявшей из различных металлических сосудов: оцинкованных ведер, баков, кастрюль, ковшей, тазов, мисок, сковородок, жаровень, кружек, которые находились уже не в специальных мешках, а в кухонных шкафах, столешницах.

Запасы продуктов и различные вещи хранились в пристроенных к домам кладовках, картофель и другие овощи – в подпольях, т. е. подвалах под полом. Эвенки, нганасаны, долганы воду набирали из рек, а тофы Иркутской области – из колодцев с журавлями и носили, используя коромысла.

В 1970–1980-е гг., с развитием туризма, молодежь узнала туристское снаряжение и стала предпочитать чуму туристические палатки. Некоторые тофы, эвенки и кеты Иркутской области, поработав в различных экспедициях проводниками, познакомились там с русским экспедиционным бытом и снаряжением и использовали все это у себя в тайге во время промысла, оставив чумы [6]. Это можно объяснить лишь тягой молодежи ко всему новому, необычному, которое всегда кажется лучше привычного и надоевшего своего. Привлекала также быстрота и простота установки палатки по сравнению с чумом, хотя жить в палатке несравненно труднее, особенно из-за невозможности развести внутри костер. С уходом из активного труда, а также вообще из жизни старшего поколения, в тайге повсеместно стали строить охотничьи избушки по примеру русских промышленников. На промысловом участке устанавливали обычно несколько таких избушек, возле них строили амбары для хранения припасов и продукции, но теперь это были не традиционные амбарчики на сваях, а русские амбары типа домиков.

Еще одним нововведением в быту коренных малочисленных народов с приходом советского образа жизни явилось использование дизельных движков-установок с конца 50-х гг. XX в. За счет электроэнергии, вырабатываемой дизелями (данный способ используется до сих пор), представители коренных этносов получили возможность пользоваться бытовой техникой. В начале 1970-х гг. у тофов появились телевизоры, холодильники и радиоприемники. В Дудинке домашняя техника у нганасан и долган появилась только в 1978 г. [7].

Таким образом, изменение жилища, вызванное столкновением с новой советской культурой, приобщило малочисленные народы Иркутской области и Красноярского края к новым процессам ведения хозяйства и поставило на новую ступень развития межнациональные отношения, которые стимулировали развитие многообразия процессов и новых межкультурных стратегий сосуществования.

Ситуация осложнялась политикой, проводимой государственными и партийными органами в отношении бытовых условий проживания – перевод на оседлый образ жизни. Начав с программы перевода кочевого населения на

оседлость, государственная машина очень быстро уничтожила те основы материального хозяйства, которые складывались исторически, не дав взамен других жизненных экономических форм. В результате в начале 60-х гг. XX в. возникла «ненормальная» экономическая ситуация, при которой оседлое население должно было заниматься такими формами хозяйства, которые требовали кочевого образа жизни.

Малочисленные народы были оторваны от их многовекового уклада жизни, их культурного наследия и обыденности, в итоге повседневность и быт стали изменяться. Они приспособивались к новым условиям жизни, овладевали новым для них видом быта и хозяйственной деятельности – земледелием. В поселках они научились жить «по-советски». Их материальная культура и быт полностью приспособились к новым условиям оседлой жизни. Жилище, обувь, одежда, домашняя утварь, пища уравнивались с общесоветскими и утрачивали национальный колорит. Также негативным последствием столкновения с «советской цивилизацией» являлось распространение алкоголизма среди малочисленного населения. Меры, направленные на искоренение этой проблемы, практически не давали результатов.

Тем не менее, советский период истории во второй половине XX в. оказал положительное влияние на материальную культуру малочисленных народов. Долганам, нганасанам, кетам, тофаларам, энцам, эвенкам и другим пришлось осваивать новые для них виды индивидуальной хозяйственной деятельности, которые сосуществовали наряду с традиционными. Уйдя на промысел, они продолжали придерживаться традиционного образа жизни, из которого сохранили лишь наиболее рациональные черты, хорошо соотносящиеся с новой, оседлой жизнью. В то же время они переняли у русских более совершенные приемы и способы оленеводства, охоты, рыболовства и собирательства.

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П.-28. Оп. 72. Д. 80. Л. 58.

2. Семченко Ю. Б. Основные черты современных этнических процессов у коренного населения авамской тундры Таймырского национального округа // Преобразования в хозяйстве и культурные и этнические процессы у народов Севера. М., 1970. С. 148.

3. ГАКК. Ф. П.- 35. Оп. 47. Д. 11. Л. 6.

4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 280. Оп. 19. Д. 15. Л. 17.

5. Материалы автора (интервью с респондентами) из историко-этнографических экспедиций (март 2007 г., август 2010 г.) в пос. Алыгджер, Нерха Нижнеудинского р-на Иркут. обл.

1. The Krasnoyarsk Region State Archive (KRSA). F.P.-28. Inv. 72. Doc. 80. P. 58.

2. Semchenko Y. B. General features of contemporary ethnic processes of the indigenous population of Avamsk Tundra of Taimyr National District // Conversion in agriculture and cultural-ethnic processes among the peoples of the North. M., 1970. P. 148.

3. KRSA. F.P.-35. Inv. 47. Doc. 11. P. 6.

4. The Contemporary History State Archive of the Irkutsk region (CHSAIR). F. P. 280. Inv. 19. Doc. 15. P. 17.

5. The author's materials (interviews with respondents) from the historical-ethnographic expeditions (March of 2007, August of 2010) (v. Alygdzher, v. Nerkha of the Nizhneudinsk district, the Irkutsk

6. *Кудашкин В. А., Янюшкин С. А.* Социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Иркутской области и Красноярского края во второй половине 1950-х – 1991 гг. : монография. Братск : ГОУ ВПО «БрГУ», 2009. 172 с.
7. ГАКК. П.Ф.-28. Оп. 63. Д. 28. Л. 15.
8. *Кривоногов В. П.* Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири : монография. Красноярск : КрГПУ, 1998. С. 138.
6. *Kudashkin V. A., Yanushkin S. A.* Socio-economic and cultural development of the indigenous scanty peoples of the Irkutsk region and Krasnoyarsk territory in the second half of 1950-s –1991-s : monograph. Bratsk : Publishing of the BSU, 2009. 172 p.
7. KRSA. F.P.-28. Inv. 63. Doc. 28. P. 15.
8. *Krivotogov V. P.* Ethnic processes of the scanty people in Central Siberia : monograph. Krasnoyarsk : Publishing of the KrSPU, 1998. P. 138.

Influence of Cultural Interaction by the Example of Changing in Housing and Steading of the Indigenous Scanty People of Eastern Siberia in the Second Half of the XX-th c.

V. A. Kudashkin

Bratsk State University, Bratsk

The article considers a model of merging of culture of the indigenous peoples of the Krasnoyarsk territory and the Irkutsk region by the "Soviet" civilization in the second half of the 20th c. The examples of growth of well-being standards are given. In terms of cultural interaction the cultural level of the whole indigenous population is growing, though various housekeeping techniques are being forgotten.

Key words: cultural interaction, scanty people of Eastern Siberia.

Кудашкин Вячеслав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Братского государственного университета, Братск, e-mail: Slava1982_@rambler.ru

Kudashkin Vyacheslav Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, the Bratsk State University, Bratsk, e-mail: Slava1982_@rambler.ru